

Пролог

— Джет, ты меня слышишь? Отец хочет видеть тебя немедленно!

Джет Даймонд перевернулся на бок и едва не свалил телефон, в темноте нащупывая часы.

В Милане было четыре часа утра. Четыре утра! Холод и дождь. Было слышно, как ледяные колючие капли стучат по застекленной крыше ванной.

Лежащая рядом с ним красивая девушка шевельнулась.

— Что случилось, *carino*? — пробормотала она и уронила руку ему на грудь.

— Спи давай, — бросил недовольно он, сел в кровати и машинально потянулся за сигаретой.

Звонила леди Джейн Бэнтли, сожительница его отца, и, судя по тону, она не шутила.

— Вы знаете, который у нас час? — проворчал он, раскурил сигарету и глубоко затянулся.

— Знаю, Джет, — невозмутимо ответила леди Джейн. — И повторяю: твоему отцу ты нужен немедленно. В отеле «Времена года» на стойке тебя ждет билет до Нью-Йорка. В пятницу в девять утра изволь быть здесь, в нью-йоркском доме. — Последовала долгая, многозначительная пауза. — И постарайся, Джет, его не подвести. Это в твоих же интересах.

Не дав ему ответить, она повесила трубку.

Проклятье! Он ее всегда недолюбливал, эту леди Джейн, с ее противным британским акцентом и так называемыми безупречными манерами! Вот уже шесть лет, как она живет с его отцом. Скандальная сторона этой истории заключалась в том, что она бросила своего титулованного английского супруга, лорда Джеймса, ради необузданного, властного, влиятельного и четырежды разведенного медиамагната с миллиардным состоянием. В свое время это стало причиной не одной сенсационной публикации в прессе.

Ред Даймонд. Отец.

Черт! Какого лешего ему нужно?

* * *

Макс Даймонд, воротила рынка недвижимости, находился на званом ужине, когда в его кармане завибрировал телефон. Мобильник он никогда не выключал. Его верные компаньоны знали, что с ним можно связаться в любое время суток по любому вопросу: он сам завел этот порядок. А в данный момент он испытывал некоторые финансовые затруднения, и для преодоления кризиса ему тем более необходимо было оставаться на связи.

Макс украдкой взглянул на монитор телефона, чтобы определить, кто это звонит в одиннадцать вечера.

Леди Джейн Бэнтли, возлюбленная отца. Этой-то что понадобилось? Ни с ней, ни с отцом Макс не говорил уже несколько месяцев, хотя они и жили в одном городе. С родней он никогда не был близок.

Заинтригованный, Макс извинился и поспешил в библиотеку, откуда перезвонил Джейн.

Одним из достоинств леди Джейн было умение выражаться кратко и ясно.

— Отец хочет тебя видеть. В пятницу в девять утра

приезжай, — сказала она. — Дело крайней важности, Макс.

— Что за дело? — Его охватило любопытство.

— Приезжай — и все узнаешь.

Макс кивнул.

— Постараюсь выбраться, — ворчливо пообещал он.

— Твои братья тоже прилетят.

А вот это уже действительно серьезно. Может, старик помирать надумал?

«Ну что ж, — угрюмо подумал Макс, — давно пора».

* * *

Криса Даймонда звонок застал в домашнем тренажерном зале. Иметь дома спортивные тренажеры считалось в Лос-Анджелесе признаком определенного положения. Если у вас дома нет тренажерного зала с оборудованием от «Сайбекса», значит, вам приходится толкаться с потными простолюдинами в спорткомплексе типа «Коннекшен», а это означает, что вы ничего не добились в жизни. А Крису Даймонду нравилось думать о себе обратное, тем более что он был одним из самых востребованных адвокатов в Лос-Анджелесе. Отсюда и этот спортивный зал по последнему слову техники, с впечатляющей акустической системой, телеэкранами высокого разрешения по трем стенам и огромным окном во всю четвертую стену с видом на переливающийся огнями город.

Этот дом наверху каньона Колдуотер, на склоне величественной горы, он купил себе именно из-за фантастических видов. Затем последовали бесконечные переделки и перестройки, пока не был достигнут результат, которого он для себя хотел. Крис был большой педант: все должно быть четко и на своем месте. Это давало ему

ощущение надежности, которого ему так недоставало в детстве.

— В пятницу в девять утра, — сказала леди Джейн.

— Не получится, — ответил он, спрыгнул с велотре-
нажера, потянулся за белоснежным полотенцем и наки-
нул его на шею.

— Почему?

— У меня назначена важная встреча в Вегасе. Отме-
нить никак не могу.

— Настоятельно советую, — невозмутимо возразила
леди Джейн. — Твои братья приедут, отец тебя тоже бу-
дет ждать. — Она помолчала. — Уверена, ты его не раз-
очаруешь.

Крис переварил услышанное.

— Он что, болен? — наконец выдал он.

— Приезжай. Это в твоих интересах, — загадочно от-
ветила леди Джейн и положила трубку.

* * *

Ред Даймонд негнушимися пальцами достал корич-
невую сигарету и раскурил с помощью золотой зажигал-
ки «Данхилл».

Он выглядел на все свои семьдесят девять. Его грубо-
ватое лицо было испещрено морщинами и складками, а
глубоко посаженные голубые глаза выцвели и терялись в
темных кругах. Орлиный нос и мужественная линия
подбородка лишь смутно напоминали о том, что когда-
то он был весьма импозантным мужчиной.

— Приедут? — спросил он, обводя взглядом вошедшую
в спальню леди Джейн Бэнтли — та, как всегда, выгля-
дела безупречно.

Она кивнула и мысленно подивилась, что у него на
сей раз на уме. Ред Даймонд никогда не делал ничего
просто так.

— Это точно? — буркнул он, выпуская в ее сторону струю дыма.

— Абсолютно, — ответила она, поморщившись.

— Все трое? — прохрипел он.

— Да, — невозмутимо ответила она. — Как ты просил, я им позвонила, и все обещали быть.

— Отлично. — По обветренному лицу скользнула усмешка. — Итак, начинаем... — пробурчал он себе под нос.

Леди Джейн снова кивнула. Когда Реду Даймонду что-то втемяшится, никто не смеет спорить, даже она.

Но что он задумал? Вот в чем вопрос.

Ее разбирало любопытство, но хватало ума ни о чем не спрашивать — Ред никогда не раскрывал своих планов до времени.

Ей, как и всем остальным, придется ждать.

Глава 1

— Как тебя зовут, милашка? — спросил лысый. На голове у него было пусто, зато из ушей торчали густые пучки волос.

— Либерти, — ответила молоденькая официантка.

— Как-как? — переспросил он, беззастенчиво разглядывая ее.

— Либерти, — повторила девушка. «Идиот, все же написано у меня на форме. Ослеп, что ли?»

— Что это за имя такое.... — начал было он.

«О господи! Сколько раз можно всем объяснять? Назвали же Гвинет Пэлтроу и Крис Мартин свою дочку Эппл, то есть Яблочко. У Кортни Кокс и Дэвида Аркетта дочь зовут Коко. Чем тебе не нравится Либерти?»

Не удостоив назойливого клиента ответом, она подлила ему кофе и отошла. «Козел! — подумала она. — Кем он себя возомнил? Что ему до моего имени? Какое его собачье дело? Вот стану известной певицей, никогда не буду доставать людей с их именами. Буду вежливой и тактичной, никому в душу не полезу».

Она поспешила за стойку, внутренне продолжая кипеть.

— Достала меня эта работа, — пожаловалась она двоюродной сестре Синди, которая, собственно, и нашла ей это место в кофейне на Мэдисон-авеню. Синди тоже мечтала стать певицей.

— Не забывай, за нее платят, — напомнила Синди, крепкая двадцатитрехлетняя девушка из Атланты, с блестящей черной кожей, широкими лодыжками, крепким задом, огромным бюстом и жизнерадостной улыбкой до ушей.

— Деньги надо зарабатывать пением, — назидательно проговорила Либерти. — Вот это будет настоящая работа.

— Сначала пробейся, потом уж про деньги говори, — напомнила Синди. — Мы с тобой пока еще в списке ожидающих.

— Знаю, знаю, — нахмурилась Либерти. — Надо чем-то зарабатывать. А то скоро за квартиру платить нечем будет.

Нахмуренный лобик нисколько не портил ее редкостной красоты. Смешанных кровей, плод любви чернокожей матери и отца, о происхождении которого она могла лишь догадываться (мать отказывалась о нем говорить и уж тем более — называть его имя), Либерти имела кожу цвета молочного шоколада, роскошные длинные черные волосы, миндалевидные зеленые глаза, густые брови, невообразимо длинные ресницы, точеные скулы, полные губки, острый подбородок и прямой носик. Синди то и дело охала и ахала, как она похожа на Холли Берри, что порядком раздражало Либерти, считавшую себя неповторимой и не желавшую, чтобы ее сравнивали с другими, пусть даже с красивыми и знаменитыми.

Ей было девятнадцать лет. Впереди еще куча времени.

Или нет?

Иногда она просыпалась посреди ночи в холодном поту, с гулко бьющимся сердцем. Что, если ее талант так и не откроют? Никто не станет слушать ее песни? И ее исполнение никого не тронет? И вдруг ее ждет тот же финал, что и маму — неудавшуюся певичку, целыми днями возящую чужую грязь?

Черт, ей уже почти двадцать, она четыре года как кончила школу, и за все это время с ней не произошло ничего значительного. Нет, конечно, она записала любительскую демонстрационную кассету, несколько раз участвовала в чужих концертах в качестве бэк-вокалистки, правда, гораздо реже, чем ей хотелось бы. И до сих пор ни один продюсер не подошел к ней и не сказал: «Дорогая, ты то, что мне нужно! Я подписываю с тобой контракт здесь и сейчас. Ты станешь новой Алисией Кейс или Норой Джонс, сама выбирай».

Где, черт возьми, Клайв Дэвис или П. Дидди? Где все эти знаменитые продюсеры с их хваленым чутьем? Они бы сейчас ей оченьгодились.

— Мисс! — взбешенный женский голос из зала вернул ее к реальности.

Либерти величаво подошла к клиентке. Чего ей не занимать, так это достоинства. Никому не удастся втоптать ее в грязь.

— Да? — спросила она.

— Вы хоть представляете себе, сколько времени я уже вас дожидаюсь? — визгливо проговорила женщина. — Где моя яичница? — Дама была с резкими чертами лица, одета в костюм-подделку от Армани, а на коленях держала такую же липовую сумочку «Вьюиттон» на коленях.

«Вот дешевка! — подумала Либерти. — Не можешь позволить себе настоящее — не покупай вообще».

Ее спутник молчал. По-видимому, для него яичница была не таким срочным делом.

— Прошу меня извинить, — произнесла Либерти независимым тоном. — Но ваш столик обслуживаю не я. — Она не стала говорить: «Я не ваша официантка», ее от этого слова коробило, тем более перед этой кралей.

— Так позовите того, кто обслуживает! — фыркнула дама. — Я здесь уже четверть часа сижу.

— Сию минуту, — протянула Либерти.

Их глаза на мгновение встретились. Женщина смотрела на нее с ненавистью, ведь девушка была так красива. Это случилось сплошь и рядом. Будь она Бейонс Нолс или Джанет Джексон, на нее бы так не смотрели. Тогда бы все перед ней виляли хвостом, как всегда бывает со звездами.

Как-то раз к ним в кофейню забрела Мэрайя Керри со свитой и парой громил-телохранителей, не отходивших от нее ни на шаг. Народ просто визжал от восторга. Снаружи собралась куча фотографов, а через десять минут под окнами кафе уже была целая толпа — чуть витрину не разбили.

Хозяин кафе, Мэнни Голдберг, запаниковал и трясся до тех пор, пока его жена Голда не придумала в целях предосторожности проводить звезду на кухню, где та грациозно выпила чашку зеленого чая, дала несколько автографов и дружелюбно поболтала с двумя поварами-латиносами.

Либерти думала было обратиться к ней, но в последний момент струсила. А вот Синди не струсила. Она получила автограф дивы на салфетке, которую потом засунула подальше в ящик комода, где та теперь и хранится вместе с бесчисленными пачками презервативов всех мыслимых цветов и размеров. Синди любила быть во всеоружии.

— Грубиянка! Маленькая стерва! — прошипела дама в спину Либерти, обращаясь к своему кавалеру. — Много о себе понимает!

Либерти даже бровью не повела, ей и не такое доводилось слышать.

Либерти уже собралась удалиться на кухню, когда заметила, что в кафе входит Мистер Хип-Хоп собственной персоной. Так звали певца, чье имя было у всех на слуху.

У нее перехватило дыхание. За эту неделю он прихо-

дит уже в третий раз. Всегда садится за один из ее столиков и оставляет внушительные чаевые, хотя говорит только по делу.

Сегодня с ним был еще один мужчина, белый, с девловитым выражением лица. Они оживленно что-то обсуждали, бурно жестикулируя.

Либерти его узнала. Это Деймон П. Доннел, воротила хип-хопа, владелец студии «Доннел Рекордс». Новое здание студии находится меньше чем в квартале от кофейни, и, судя по всему, он облюбовал их заведение для завтраков.

Это было не единственное, что она о нем знала. Ему тридцать шесть лет, смуглолицый и всегда с короткой стрижкой. Улыбка неотразимая. Как правило, он был в фирменных темных очках, с бриллиантовой серьгой в ухе, в кроссовках «Найк» и дорогим костюме поверх шелковой футболки. Доннел был известен благосклонным отношением к начинающим артистам, правда, его фирма преимущественно записывала и продвигала исполнителей-мужчин, работающих в стиле рэп. Сам он раньше тоже выступал, но потом бросил — делал исключение только для благотворительных мероприятий. Он был женат. Жаль. Значит, женскими чарами его не взять, тем более что у Либерти был принцип не иметь дела с женатиками. Его женой была индийская принцесса из Бомбея, известная всему городу модница. Они жили вдвоем в пентхаусе на шестьдесят шестом этаже в Вестсайте, откуда виден весь город, и, если верить бульварной прессе, индийская принцесса переоборудовала аж три гостевые спальни под свою персональную гардеробную. Они женаты уже два года, но детей пока не завели.

В первый раз, когда Либерти увидела Доннела, она понятия не имела, кто он такой.

— Как мне этот мужик понравился! — поделилась она с Синди. — Классный кадр!

Синди, бывшая в курсе всего, что касается шоу-бизнеса, быстренько ее просветила. Синди обожала «Эссенс», «Роллинг Стоунз», «Пипл», «Ас», «Стар» и «Инкуайерер». И каждый день смотрела по телевизору музыкальные каналы.

— Этот мужик знаменит, женат, богат — одним словом, не для тебя, — сообщила Синди. — Забудь о нем, подруга, он не про нашу честь.

Когда Синди давала советы, она, бывало, увлекалась. В ответ Либерти постаралась никогда больше не заводить разговор о Доннеле, что, надо сказать, было нелегко.

Она уже собралась подойти к его столику, но тут откуда ни возьмись появилась Синди и многозначительно пихнула ее локтем.

— Мистер Прелестник опять у нас. Я, может, чего-то не усекла, сестренка. Пожалуй, у тебя есть шанс. На твоём месте я бы не терялась.

— Там барыня за четвертым столиком слюной брызжет. Яичницу требует, — ответила Либерти, делая вид, что персона Деймона Доннела ее не волнует. — Ты бы занялась ею, пока скандал не начался.

— Уже иду, — ответила Синди, нимало не смутясь. — Ой, я, кажется, забыла их заказ на кухню передать. Вот черт....

Либерти подошла к столику Деймона.

Тот и ухом не повел.

— Кофе, — сказал он, изучая меню с таким интересом, будто впервые его видел. — Большой стакан апельсинового сока, омлет без желтков, ломтик бекона.

— Мне то же самое, — заказал его друг или партнер.

Она немного помедлила в надежде, что Деймон взглянет на нее хотя бы мельком. Этого не произошло, зато тот, второй, так и сверлил ее своими маленькими глазками.

— Конечно, мистер Доннел, — сказала Либерти, да-

вая понять, что она знает, что он за птица. — Кофе и сок, считайте, уже несу. Омлет с беконом — следом. Бекон поджарить?

Он наконец поднял глаза, окинул ее взором, задержавшись — это было видно сквозь очки — на написанной от руки карточке с именем, приколотой чуть выше ее правой груди. Но по-прежнему не издал ни звука, а лишь еле заметно кивнул.

Либерти направилась за кофе. Может, и пробную кассету захватить?

«Нет! Слишком рано. Надо сначала завязать знакомство. Роман официантки с клиентом — а? Почему-то в таком контексте это слово, «официантка», звучит вполне уместно. Это оттого, что он не ведет себя, как та визгливая белая баба, для которой я пустое место».

— Девушка! — прокричала дама в фальшивом «Армани». — Мне так ничего и не принесли. Где моя яичница?

Либерти захотелось ответить: «Засунута в твою засушенную старую жопу, где ее никто никогда не найдет». Но она сдержалась, зная, что Мэнни с Голдой такого обращения не одобряют, а хозяева они хорошие, и Либерти не хотелось лишиться работы. Эта работа была ей нужна, и Синди тоже. Они, как всегда, задолжали за квартиру, а счета все множатся и множатся. И никак за ними не поспеть — такое впечатление, что девушкам уже никогда не расплатиться.

До этой кофейни Либерти перепробовала разную работу. Одна была хуже другой. Официантка — это еще было приличное место, хотя ноги к концу дня уже не держат. Обычно она выходила в дневную смену, чтобы вечером оставалось время писать песни, тусоваться с друзьями-музыкантами, включая нынешнего ухажера по имени Кев — он был гитарист. Они встречаются уже несколько месяцев, но ничего серьезного между ними

нет. В серьезные отношения она не верит, карьера сейчас для нее важней.

— Ваш заказ уже несут! — прокричала она мерзкой тетке через весь зал.

— Оно и видно! — зашипела та и изогнула брови, давая всем понять, до какой степени она возмущена.

— Можно тебя, Либерти? — окликнул кто-то из завсегдатаев за столиком в углу. — Кофейку не подольешь?

С этим старичком проблем никогда не было, и чайные он оставлял щедрой рукой. Либерти одарила его улыбкой и произнесла свою любимую фразу:

— Сию минуту.

Она взяла со стойки кофейник со свежесваренным кофе, наполнила его чашку, после чего направилась к столу Деймона Доннела. Но не дошла. Находящийся в зале малыш катнул свою машинку прямо ей под ноги, Либерти споткнулась, в падении выронила кофейник, и горячий кофе обжег ей руку. При этом она подвернула правую лодыжку.

В кафе воцарилась тишина, все обернулись. Спустя несколько секунд голоса вновь зазвучали, а Либерти так и осталась лежать на полу, чувствуя себя нескладной идиоткой.

Она на несколько секунд впала в оцепенение, потом до нее донесся грубый смех скандальной посетительницы. Это быстро привело Либерти в чувство, и она стала подниматься, несмотря на боль в обожженной руке и подвернутой ноге.

К счастью, ей на помощь подоспели Синди с господином Завсегдатаем. Старичок усадил девушку на стул, а Синди бросилась убирать битое стекло и вытирать лужу.

— Все в порядке? — хлопотал старичок.

Либерти сквозь слезы кивнула и бросила взгляд через зал — не смотрит ли Деймон.

Он не смотрел. Он продолжал разговор, отчаянно

жестикулируя, и бриллиантовая сережка в его ухе сверкала в свете люминесцентных ламп.

Ей хотелось плакать, но она сдержалась. Рука пылала огнем, лодыжка болела, а для Деймона Доннела ее как будто не существовало. Неужели она никогда ничего не достигнет?

Пора бы удаче повернуться к ней лицом.

Глава 2

Джет Даймонд всегда пользовался у женщин большим успехом. Они западали на его синие средиземноморские глаза, высокие скулы, небрежно падающие на лоб белокурые вихры, на его атлетическое тело и неистребимую уверенность в себе.

Джет эксплуатировал свою привлекательную внешность на всю катушку. Для него никогда не было проблемой заполучить ту или иную женщину. Вот проститься — это посложнее. Они приходили. Оставались. И хотели большего — тогда как у него было единственное желание — чтобы надоевшая пассия поскорее исчезла и не закатывала истерик.

Джанна, когда он ей объявил, что летит в Нью-Йорк, истерик не закатывала. Джанна была итальянская топ-модель, стильная и не уступающая Джету в самоуверенности: она не сомневалась, что он вернется прежде, чем она успеет соскучиться.

В Италию Джет приехал три года назад. Он был без гроша и приехал лечиться от алкоголизма и наркомании. За несколько месяцев благодаря превосходной программе реабилитации он сумел вернуться к жизни, подписал контракт с модельным агентством и быстро заработал себе имя, регулярно появляясь на экране в рекламе табака и алкоголя, а также в печатной рекламе всего подряд — от дорогих машин до костюмов от из-

вестных кутюрье. Камера отлично передавала характерное для него необычное сочетание агрессивной сексапильности с ленивой индифферентностью, которое и привлекало потребителя. Во всяком случае, итальянским женщинам его внешность испорченного юнца пришлась по вкусу.

Карьера модели хоть и не тянула на мужскую работу в полном смысле слова, зато позволяла прокормиться, а не кланчить у отца-миллиардера или сводных братьев.

Перебравшись в Италию, Джет от них отдалился, и это было хорошо. Теперь его имя не связывали с семейством Даймондов — тем более что фамилией он не пользовался. Джет. Американский манекенщик в Италии. Инкогнито можно большего добиться.

В аэропорт Джанна отвезла его в своей новой игрушке — сверкающем желтом «Ламборджини», подаренном пылким воздыхателем. С Джетом у них были вполне современные отношения, и обоим это устраивало. Оба обладали свободолобивой натурой и не хотели сидеть на привязи.

Перед отъездом Джанна доставила ему прощальное удовольствие. Он откинулся назад и расслабился. Кто бы стал отказываться? Ее полные губки и исключительно проворный язычок точно знали, как заставить мужчину захотеть еще.

Джет ее не любил. Но то, что она с ним делала, ему определенно нравилось.

Войдя в самолет, он снова стал гадать, что от него понадобилось отцу. За три года ни одного звонка. И вот вдруг позвонила леди Джейн.

«Не надо тебе ехать», — сказал внутренний голос.

«В самом деле?»

«Да, в самом деле».

«Но мне же любопытно!»

«Еще бы! Это же Ред Даймонд. По первому его зову все сбегаются. Включая тебя».

И так было всю жизнь.

* * *

Пятилетний Джет был смышлен, но, по мнению отца, — недостаточно.

В саду на тосканской ферме собралась вся семья. Мама мальчика, ослепительная красавица Эди — бывшая манекенщица с точеной фигуркой, редкий гость в доме — тринадцатилетний сводный брат Крис и Ред, которого, несмотря на свой юный возраст, Джет всегда побаивался.

Джет забрался на дерево и никак не мог спуститься. Утром суровая нянька запретила ему лазать. Но потом он заметил, как Крис без малейших усилий вскарабкался на огромный дуб, и подумал: «Я тоже могу!»

Теперь он застрял высоко над землей, крепко вцепился в сук и дрожал от страха. Ему было так страшно, что по щекам текли слезы, а крепкие ножки дрожали.

— Пошли кого-нибудь из охраны его снять, — умоляла Эди, сжимая в руке стакан с мартини.

— Черта с два! — рычал Ред. — Сам залез, пусть сам и слезает, ублюдок.

— Но он может упасть! — возразила Эди и от волнения пролила коктейль.

— Послужит ему уроком. В другой раз будет слушаться.

— Ему всего пять лет, — напомнила Эди. Ее красивые руки так дрожали, что кусочки льда звенели о стенки стакана.

— Достаточно, чтобы понимать, что к чему. — Ред был неумолим.

— Я залезу и спущу его, — вызвался Крис. — Ерунда.

— Тебя не спрашивают, придурок! — проревел Ред, грозно сверкнув глазами в сторону среднего сына.

Крис стушевался. Лучше не высовываться.

Прошел час. Темнело. Сгущались тучи. Джет продолжал висеть на суку, с трудом удерживая равновесие. Отослав всех домочадцев, отец и сам зашагал к дому.

— Папа! — закричал Джет. Его мордашка искажилась от ужаса. — Не уходи! Папочка! Мне страшно. Папа! Помоги мне! Пожалуйста!

Ред повернулся и посмотрел на ребенка, у которого от страха глаза были как два блюдца.

— Урок номер один, — проревел он. — Никогда не делай то, из чего не сможешь выпутаться без посторонней помощи. Заруби себе на носу, безмозглый маленький говнюк.

Ночью, убедившись, что все уснули, Крис выскользнул из дома, залез на дерево и выручил рыдающего братишку.

Наутро отец задал обоим суровую порку тростью со стальным наконечником, после чего Криса сразу отослали назад в Америку.

Джет молил господу, чтобы старший брат всегда был рядом и мог прийти на помощь. Но этому не суждено было сбыться.

Тот случай стал лишь началом.

* * *

Макс Даймонд сгорал от нетерпения узнать, что задумал отец. На ум приходила одна версия: старику поставили неизлечимый диагноз и он захотел искупить всегдашнее суровое обращение с окружающими. И в первую очередь — с тремя сыновьями, до которых ему в жизни не было дела.

В свои сорок три года Макс был одним из самых пре-

успевающих бизнесменов на нью-йоркском рынке недвижимости. Своего положения он достиг сам, без малейшего участия со стороны отца. По правде сказать, тот факт, что его отцом был Ред Даймонд, ему всю жизнь только мешал. Когда он начинал бизнес, все думали, что он купается в деньгах — тогда как он не видел от отца даже ломаного гроша, а в поте лица пахал сам. Упорство и труд все перетрут. Что-что, а трудиться Макс никогда не отказывался и ни у кого не просил помощи, а планомерно строил свою империю, в чем и преуспел. И преуспевал до последнего момента, когда два банка вдруг отказались от участия в крупном строительном проекте в Нижнем Манхэттене, осуществление которого уже началось. Теперь многомиллионный проект требовал немедленных финансовых вливаний, в противном случае Макс мог потерять все.

Макс был старшим из братьев Даймонд. Младшим был двадцатичетырехлетний Джет. И еще был Крис, ему исполнилось тридцать два. Все трое были от разных матерей. Мать Макса, Рэчел, ушла в мир иной вскоре после его рождения. Мать Криса, Оливия, погибла в авиакатастрофе. А мать Джета, в прошлом — красавица Эди, жила отдельно от мужа, в Монтоке, где ее главными утехами были водка, запас которой не иссякал, и череда молодых любовников.

Про Эди Даймонд и ее пагубные привычки было широко известно. Можно сказать, она была притчей во языцех. А кто ее довел до этой крайности? Разумеется, Ред Даймонд. Старик не жаловал женщин и обращался с ними весьма бесцеремонно. Он действовал по схеме: завоевал — женился — раздавил. С Эди он именно так и обошелся.

Макс тоже постиг прелести брака. За его плечами был нелегкий опыт развода в Нью-Йорке. Его бывшая жена Марина — блондинка с темно-серыми глазами,

русская по происхождению, чьей единственной целью в жизни было видеть свое имя в колонках светской хроники, — не была настроена разойтись мирно, несмотря на полагающуюся ей огромную сумму в порядке отступного. У них была пятилетняя дочь Лулу, невероятно хорошенькая, но избалованная девчушка. Сейчас Марина с Лулу жили в роскошном пентхаусе в одном из построенных Даймондом домов. Жилье ей тоже досталось по разводу.

Почти все выходные Макс проводил с дочкой, которую обожал. Они отлично ладили и, как правило, чудесно проводили время вдвоем. Могли, например, сесть в его самолет и слетать во Флориду в Диснейленд или на Багамы, в любимый отель Лулу — «Атлантис»: там были отличные водяные горки. Лулу обожала быть с отцом и пользовалась его любовью.

Недавно Макс объявил о своей помолвке. Известие взбесило Марину, которая была уверена, что сначала должна выйти замуж она.

— Зачем ты это делаешь? — надменно спросила она. — Тебе новая жена не нужна.

Вот еще! Он женится снова и на сей раз уж постарается сделать так, чтобы брак оказался прочным. Он не собирался повторять судьбу отца и оставаться с тремя сыновьями, глубоко ему безразличными.

* * *

На вечере по случаю окончания девятого класса Макс был с Розмари, его девушкой на протяжении последнего года. Хорошенькая девочка. На вечер она пришла в розовом платье, в волосы были вплетены розы, а красивое личико освещала ослепительная улыбка. Макс все продумал: сегодня — решающий вечер. Они уже достаточно давно встречаются, и, хотя дальше объятий и поцелуев дело не шло, он чувствовал, что сегодня

Розмари позволит ему пойти до конца. Они уже много раз об этом говорили, и в кармане на всякий случай Макс держал презервативы. Одним словом, подготовился.

Вечер прошел на «ура». Они без передышки танцевали, оба прилично поддали, и по дороге домой, в лимузине, она позволила ему дать волю рукам. Отец с мачехой, Оливией, находились в отъезде, пятилетний Крис был оставлен на попечение няньки, и привести Розмари в дом вместо паршивого отеля казалось делом естественным.

Они обнимались в библиотеке под саунд-трек к фильму «Бриолин». Оливия Ньютон-Джон и Джон Траволта пели «Кроме тебя, мне никто не нужен». Макс совсем осмелел: он расстегнул на девушке платье и обнажил ей плечи, потом задрал юбку. У нее были плотненькие, аппетитные грудки, в которые Макс хотел бы зарыться лицом, и холмик курчавых черных волос на лобке, поразивший его своей пышностью. Он уже знал, что время пришло. Сегодня они лишатся девственности, оба разом.

Макс стал натягивать презерватив, и в этот момент в библиотеку стремительно вошел отец и зажег верхний свет.

— Папа... — пролепетал Макс, отчаянно запихивая вставший торчком член обратно в штаны. — Я... Я думал, вас нет.

— Ах, вот оно что? Ты так думал? — ответил Ред, пожирая глазами Розмари. Девушка была так смущена, что никак не могла решить, что делать — прикрыть грудь или одернуть юбку.

— Черт... — пробормотал Макс. — Пап, мы сейчас уходим. Я... Я не хотел...

— Марш к себе! — не дал договорить Ред, продолжая глазеть на девушку. — Я позабочусь, чтобы юная леди благополучно добралась до дому.

— Но...

— Убирайся, похотливый козел! — рявкнул Ред. — Живо!

К своему несмываемому позору, Макс бросился к себе в комнату, оставив полуодетую Розмари наедине с отцом. Обмякший член уныло болтался у него между ног.

Наутро он позвонил подружке. Та отказалась взять трубку. Это продолжалось несколько дней, пока ее мама строгим голосом не известила его, что Розмари уехала в Европу, причем надолго, и не будет ли он так любезен, чтобы перестать ей докучать.

И только спустя четыре года, уже будучи студентом, он случайно встретился с Розмари на вечеринке. В первый момент она попыталась уклониться от разговора, но потом рассказала, что случилось в тот вечер у него в доме. Оказывается, едва Макс удалился, Ред взгромоздился на нее и насильовал до тех пор, пока она не лишилась чувств. Дождавшись, когда она придет в себя, он усадил ее в такси и отправил домой, приказав под угрозой расправы держать язык за зубами. Но она не удержалась и дома немедленно все рассказала. Отец помчался к Даймондам разбираться.

После долгого разговора Ред предложил семье Розмари солидную сумму, чтобы те не поднимали шума.

— Почему ты мне ничего не сказала? — негодовал Макс. — Почему в полицию не пошла?

Розмари пожала плечами, как будто ничего страшного не случилось, хотя ее выдавали глаза.

— Мы оба знаем, что все это было бы впустую, — сказала она. — У твоего отца связи, у моего — нет.

Только и всего.

Итак, Реду Даймонду сошло с рук изнасилование шестнадцатилетней девочки. И не просто девочки, а первой возлюбленной его сына, его первой подружки.

Когда Макс попытался призвать отца к ответу, тот только рассмеялся.

— Сынок, она сама напросилась, — сказал он. — У нее аж зубы сводило. Вся мокренькая была. И учти: ей требовался настоящий мужик, а не сопляк-неумеха вроде тебя.

— Ты забыл, она была моя девушка? Моя девушка!

— Будет тебе наука, — наставительно сказал Ред. — Женщинам веры нет. Никогда. Все они шлюхи, в том или ином смысле. Ты скоро сам в этом убедишься.

Больше они эту тему не поднимали.

* * *

Клиент Криса, знаменитый Джонатан Гуди, собирался в Европу, где в нескольких городах должна была пройти презентация его нового фильма, поэтому Крис сел Джонатану на хвост и полетел с ним в Нью-Йорк, откуда тот должен был продолжить путь в Европу.

Тридцатилетний Джонатан Гуди был невероятно знаменит, что не мешало ему оставаться скромным и приятным человеком. Несмотря на это, его всюду сопровождала обычная для звезды свита: импресарио с орлиным взором, женщина-агент, назойливая пиарщица, мускулистый личный тренер, стилистка-лесбиянка, персональный французский повар и два исключительно шустрых помощника. Сейчас с ним была и его нынешняя возлюбленная, актриса армянских кровей с пышной кудрявой шевелюрой, очень плохо говорившая по-английски, зато много улыбающаяся, особенно перед объективами камер.

Насчет сексуальной ориентации Джонатана ходили всевозможные слухи. Голубой? Бисексуал? Или просто равнодушен к сексу?

Ответа Крис не знал и знать не хотел. Джонатан —

славный, приятный парень, а что он делает (или чего не делает) в постели, никого не касается.

— Что у тебя за срочные дела в Нью-Йорке? — поинтересовался Джонатан, устраиваясь в мягком кожаном кресле. Над ним хлопотали симпатичные стюард и стюардесса, собственноручно подобранные импресарио.

— Семейные обстоятельства, — ответил Крис и пристегнулся.

— Бывшая жена? Мать? Сестры? — допытывался Джонатан не столько из интереса, сколько из вежливости.

— Бывшей жены у меня нет, — сказал Крис. — Мама умерла. Сестер никогда не было.

— А у меня сразу три сестры, и все — старшие, — усмехнулся Джонатан. — Они мне хорошо растолковали, что именно я не понимаю в женщинах.

Крис улыбнулся. Теперь он понял, почему женщины всего мира боготворят Джонатана Гуди. В нем было это типично американское мальчишество. Подобно Кевину Костнеру и Тому Крузу, он был от природы наделен обаянием положительного героя — которое одинаково импонирует и женщинам, и мужчинам.

— Прошу прощения, Джонатан, — проговорил один из помощников и торопливо протянул актеру мобильный телефон. — Это Лес Мунвес, он хочет с тобой поговорить.

Джонатан взял трубку, а Крис — журнал, на обложке которого по случайному стечению был запечатлен Джонатан, с воинственным выражением лица упражняющийся в восточном единоборстве.

Криса устраивало, что его клиент игнорировал тот факт, что он сын Реда Даймонда. Своего родства он никогда не скрывал, но и не рекламировал. Если кто-то проявлял по этому поводу любопытство, Крис незаметно переводил разговор на другую тему. Сейчас, когда он стал одним из ведущих адвокатов в мире шоу-бизнеса,

его перестали об этом спрашивать, его происхождение уже не имело значения для его клиентов.

Жизнь его складывалась нелегко. Его мать — красавица Оливия — развелась с Редом, когда сыну было десять лет, так и не сумев свыкнуться с постоянными изменами мужа. После этого она уехала в Калифорнию, где вышла замуж за богатого адвоката Питера Линдена. Но ему была нужна она, а не ребенок в нагрузку. Оливия помучилась и сделала свой выбор в пользу нового мужа, а не сына. В результате Крису отослали в военное училище, где царили такие суровые порядки, что он сам удивлялся, как выдержал. Потом был колледж, а в заключение, по совету отчима, юридический факультет.

«Ну конечно, на все готовы, лишь бы меня сплавить», — думал тогда Крис. Но против юридического он не возражал. Его эта профессия привлекала, он видел, в какой роскоши купается отчим. Интересы Криси лежали в сфере юридического сопровождения шоу-бизнеса, тем более что он планировал остаться жить в Лос-Анджелесе, где прошли его юные годы. Он любил этот город. Отличный климат, прекрасные и доступные женщины — ну как его не любить?

Отца, Реда, он видел два раза в год. И этого для него было более чем достаточно.

В тот день, когда он был принят в коллегия адвокатов, Оливия погибла в авиакатастрофе. Она как раз летела на частном самолете к сыну на торжество. Отчим, обезумев от горя, принялся во всем винить Крису и вскоре после похорон прекратил с ним всякие отношения. Но горе Питера Линдена длилось недолго, и уже через полтора месяца он женился на знаменитой киноактрисе — белокурой красавице.

Спустя пару месяцев после смерти матери Крис позвонил Реду, с которым в последний раз говорил как раз в связи с катастрофой.

— Что тебе еще нужно? — пробурчал в трубку Ред. — Деньги? Плохи твои дела, от меня ты их не получишь. Хватит с тебя того, что я оплатил твоё обучение от первого до последнего дня. Теперь изволь зарабатывать на хлеб самостоятельно, как было со мной. Никто тебе ничего не принесет на серебряном подносе. Вот выбьешься в люди — тогда и звони.

Ред Даймонд в своем репертуаре. У тебя погибла мать? Ну и что? За работу, приятель!

Бесчувственность отца огорчила, но не удивила Криса. Он поселился вместе с тремя однокашниками, а через два месяца устроился на работу в адвокатскую контору «Сенчури Сити» и начал делать карьеру, твердо решив доказать и отцу, и отчиму, что ни в их деньгах, ни в помощи не нуждается. Он добьется успеха и без них.

Удача улыбнулась, когда он завел быстротечный роман с одной из клиенток фирмы. Она была старше его, неудавшаяся актриса. Поскольку будущего у нее все равно не было — Голливуд жесток к стареющим женщинам, вести ее дела поручили молодому сотруднику Крису Даймонду. В свои сорок пять эта женщина сохранила хрупкую красоту и чем-то напоминала ему мать.

Возрождение ее карьеры было делом нелегким, но Криса трудные задачи только заставляли мобилизоваться. И вот, ко всеобщему изумлению, включая и саму актрису, он совершил невозможное: пробил для нее роль в новом телесериале, который стал хитом сезона. Неожиданно стареющая дама оказалась весьма ценной клиенткой. Но что самое главное — она была его клиенткой.

Жизнь с тремя приятелями, каждый из которых бился, чтобы заработать хотя бы на оплату квартиры, осталась в прошлом.

Через год его сделали младшим партнером, откуда уже была прямая дорожка наверх. Крис обладал даром обаять нужных клиентов, а поскольку партнеры в фирме